

МАСКИ
НАРОДОВ
СИБИРИ

Маски народов Сибири

Текст и подбор иллюстраций С. В. Иванова
Фотографии В. А. Стукалова

Издательство «Аврора»
Ленинград

© Издательство «Аврора» 1975

[Маски народов Сибири](#)

[Маски народов Сибири](#)

[Чукчи, эскимосы, коряки](#)

[Ханты, манси, ненцы](#)

[Эвенки, удэгейцы](#)

[Кумандинцы, шорцы, тувинцы](#)

[Буряты](#)

[Маскированная скульптура](#)

[ПРИМЕЧАНИЯ](#)

Издание, автором которого является известный советский ученый-этнограф С. В. Иванов, знакомит с одним из традиционных в прошлом видов художественного творчества народов Сибири, Севера и Советского Дальнего Востока. Большинство этих народов шагнуло в социализм прямо из патриархально-родового строя. Некоторые вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции совершенно не знали цивилизации: например, кое-где на Севере шкуры животных обрабатывали первобытным способом — каменными скребками. Территориально отдаленные от культурных центров, задавленные колониальной эксплуатацией, эти народы не могли духовно развиваться. О населении далекой Камчатки царский губернатор доносил в начале XX века в столичный Петербург: „Сей народ не способен к грамоте”. А при переписи 1923 года из тобольских хантов не нашлось ни одного умеющего читать и писать.

Однако за годы Советской власти народы Сибири и Дальнего Востока стали не просто грамотными: у них появилась своя интеллигенция — учителя, врачи, техники, инженеры, наконец художники и писатели. Великий Октябрь раскрепостил духовные и художественные силы народов бывшей царской России. В дружной семье советского многонационального социалистического государства не забыт ни один даже малый народ. Более того, именно самые малочисленные окружены особой заботой и вниманием государства. О чувстве „семьи единой” хорошо сказал в предисловии к своей повести „Синий ветер каслания” (каслание — кочевье) мансийский писатель Юван Шесталов: „Мой народ — частица человечества, а может быть, ее чудом сохранившаяся древняя страниц”.

На бескрайних просторах Сибири, там, где прежде жили лишь оленеводы-кочевники и охотники, промышлявшие морского и таежного зверя, возникают такие крупные индустриальные города, как Норильск и Воркута; у оживленных причалов больших портов грузятся огромные океанские суда со

всех концов света. Природные кладовые щедро раскрывают свои разнообразные сокровища: тюменский газ, нефть Самотлора, якутские алмазы. В размеренную, неторопливую жизнь потомков оленеводов-кочевников и охотников проникают динамические ритмы современной действительности, меняя представления о пространстве и времени.

У народов Сибири и Дальнего Востока сформировались и новые для них виды художественного творчества: литература, театральное, изобразительное искусство. Чукотско-эскимосский ансамбль „Эрыргон” („Рассвет”) успешно гастролировал в Москве. Слава якутских алмазов, открытых советскими геологами возле полюса холода, может позавидовать популярности поэтов и писателей малых народов Сибири и Дальнего Востока, таких, как нивх Владимир Санги, чукчанка Антонина Кымытваль, нанаяц Григорий Ходжер, манси Юван Шесталов, и многих других. Имя чукчи Юрия Рытхэу, написавшего автобиографическую трилогию „Время таяния снегов”, знает весь мир. Все они родились уже после Великого Октября. Неправым оказался русский поэт прошлого века А. Фет, который писал:

У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.

Талант жил в народе. Тяга к „волшебным буквам”, к „золотой грамоте” у бесписьменных народов была велика, и неудивительно, что сталкиваешься с историческим парадоксом: чукча Теневиль в 20-х годах XX века (!) изобрел письмена иероглифического характера. Конечно же, только благодаря социальным и культурным преобразованиям Советской власти, приобщению отсталых народов к русскому и мировому художественному наследию у них за короткое время могла возникнуть своя литература, свое изобразительное искусство.

В конце 1920-х годов на выставке „Искусство народов Сибири” (в Государственном Русском музее) появились первые скульптурные работы северян, студентов северного факультета Ленинградского восточного института. Из стен Института народов Севера ЦИК СССР, созданного в 1930 году, при котором была организована художественная студия, вышли первые писатели, поэты и художники, прославившие свои народы как в нашей стране, так и за рубежом. Здесь учился талантливейший ненецкий художник Константин Панков; ему и его землякам была присуждена Гран-при на Международной выставке в Нью-Йорке в 1939 году. В этой же студии занимался и косторез чукча Вуквол. Отсюда он вместе с Панковым ушел на фронт, и оба погибли, защищая Родину от фашистских захватчиков. О пейзажах Константина Панкова нельзя не сказать хотя бы несколько слов. Это — феноменальное явление. Несомненно, в них встречаешься с переходом от фольклорного мышления к индивидуальному восприятию и воплощению мира. Однако художник продолжает чувствовать себя неотделимым от природы, изображая ее бытие. Панков строил свои композиции так же, как строит свой рассказ северный охотник: „Вот горы, — говорил он, — за ними еще горы; посмотришь на них, — а горы будто играют. Я иду — и горы словно идут. Я иду по ручьям, а собака впереди бежит...” Мир Панкова и сказочно поэтичен, и обыкновенен в своей повседневности.

Мировая известность чукотских и эскимосских косторезов началась в 30-х годах XX века с международных выставок в Париже и Нью-Йорке. К тому времени в г. Уэлене (Чукотский национальный округ) работала открытая с помощью русских художников косторезная мастерская — первое местное творческое объединение, о котором мечтали многие национальные художники.

Новым было и то, что этим видом народного творчества вопреки старым традициям стали заниматься женщины.

„Чукотская гравировка на клыке — чудо вашей земли", — говорил американский художник Рокуэлл Кент чукчанке Елене Янку, подарившей ему свое произведение. Действительно, чукотские и эскимосские косторезы развивают и обогащают художественные традиции. Они наряду с традиционной объемной скульптурой и цветной гравировкой на моржовой кости применяют плоско-рельефную резьбу. Определились даже разные направления: у дежневских мастеров особое внимание уделяется цвету, у уэленских — рисунку. Многие из мастеров стали профессионалами — например, заслуженные художники РСФСР чукча Вуквутагин и эскимос Хухутан.

Бережное отношение к сохранившимся традициям народного художественного творчества — с самого начала одна из главных задач организаторов мастерских и самих мастеров. Внимание было обращено на метко и ярко запечатленный в сказках северный быт. Поэтическое повествование, лежащее в основе фольклора северян, характерно и для их изобразительного искусства. Однако мастера не ограничивались традиционными сюжетами охоты и рыбной ловли: в искусство чукчей и эскимосов, преимущественно с 1930-х годов, начала входить современность, ее новые темы и образы. Так, в композиции Вуквола „Чукотская легенда о Ленине" (гравировка на клыке) образ вождя трактован под несомненным воздействием фольклора. Мастера также взволновала героическая эпопея похода ледокола „Челюскин" — эта новая сказка новой жизни. Появились такие сюжеты, как „Прилет самолета", „Переселение из яранг в рубленные дома". И даже когда косторез Туккай из Уэлена создал своего „Танцора с бубном", это был не отвлеченный образ, а изображение старого эскимоса Нутэтейна — знатока народных обычаев и обрядов. Теперь великолепное искусство чукотских и эскимосских мастеров все больше привлекает советских графиков и живописцев. В ряде случаев оно влияет на их творчество, как и фольклорное наследие северян, с его чувством единства человека и природы.

Легендарной личностью кажется ненец Тыка Вылка (1886—1960). Добравшись до Москвы, он недолго, всего два года, учился живописи у известного русского художника А. Е. Архипова и у В. В. Переплетчикова, а в годы Советской власти стал членом Союза советских художников. С большим трудом прокладывал путь в искусство и алтаец из рода чорос — Г. И. Гуркин, в 1897—1898 годах посещавший мастерскую крупного русского пейзажиста И. И. Шишкина в Академии художеств. Гуркин стал первым алтайским советским живописцем-профессионалом. Другому алтайцу — Н. И. Чевалкову миссионеры в свое время советовали заняться иконописью, а не светской живописью. Однако после Великого Октября он посвятил свое искусство прославлению революционной эпохи.

После установления Советской власти на Севере и Дальнем Востоке там появились художники, получившие среднее и высшее профессиональное образование, например, живописец и график нивх Сергей Гурка, учившийся на графическом отделении Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, живописец нанец Андрей Бельды и другие, окончившие институт имени И. Е. Репина в Ленинграде. Произведения этих художников экспонируются на многих крупных выставках нашей страны. Как и во всей советской художественной культуре, в молодых национальных искусствах народов Сибири и Дальнего Востока идет процесс взаимовлияния и взаимообогащения с искусствами, имеющими давние и сильные, многообразные художественные традиции. В то же время художники используют и формы фольклорного — поэтического и изобразительного наследия, — создавая произведения глубокого идейно-художественного содержания. Классикой советской

живописи стало богатое по колориту лирическое полотно бурята Цыренжапа Сампилова „Любовь в степи" (1927). Талантливые иллюстрации к национальному бурятскому эпосу „Гэсэр" создала в 1968 году бурятка Александра Сахаровская. Разнообразны и индивидуальны поиски молодых якутских графиков: романтичны линогравюры Афанасия Мунхалова о прошлом и настоящем его народа; стремлением объединить героику „олонхо" (якутского эпоса) с философским раздумьем современного человека отличается творчество рано умершего Валериана Васильева. В их искусстве — новая, непрестанно развивающаяся жизнь народов Сибири и Дальнего Востока, социальный быт и художественная культура которых коренным образом изменились.

В издании же, предлагаемом читателю, открывается лишь малоизвестная древняя страница творчества этих народов.

В. Плотников

Маски народов Сибири

Коренное население обширной территории Сибири и советского Дальнего Востока, различное по происхождению, языку, образу жизни и культуре, издавна занимает отдельные участки тундры и лесотундры Крайнего Севера, таежную зону Средней Сибири, горные и лесостепные районы южной и юго-западной ее части.

Это чукчи, эскимосы и коряки, ханты и манси, известные под наименованием обских угров, эвенки, удэгейцы и нанайцы, кумандинцы, шорцы, буряты и некоторые другие. Хозяйство этих народов издавна носило комплексный характер с преобладанием того или иного рода занятий в зависимости от природных условий: охоты на морского или пушного зверя, оленеводства, рыболовства или скотоводства. До Великой Октябрьской социалистической революции большинство народов Севера находилось на различных ступенях патриархально-родового строя; у алтайцев, тувинцев и бурят имели место патриархально-феодалные отношения с элементами капиталистических.

Наивные представления о природе и человеке, религиозные идеи, бытовавшие у народов Сибири, нашли отражение во многих произведениях изобразительного искусства, в том числе в масках, использовавшихся во время охоты, в различных обрядах, праздничных мистериях и пантомимах. Изготовление зоо- или антропоморфных масок, надевание на себя шкур животных, прикрепление к головному убору человека головы животного или птицы и другие виды маскировки восходят к глубокой древности. Еще в эпоху палеолита, судя по дошедшим до нас наскальным изображениям, европейские охотники надевали на себя шкуру оленя или бизона¹ чтобы незаметно приблизиться к зверю. Этот древнейший вид маскировки имел ярко выраженный реалистический характер. Подобного рода приемами люди пользовались и в более позднее время.

Обширная литература посвящена маскам американских индейцев и эскимосов, народов Африки, Индонезии, Океании, китайским, японским, тибетским, монгольским и индийским. В ней выясняется их назначение, способы ношения и изготовления².

О масках народов Сибири и Дальнего Востока работ значительно меньше. Отдельные экземпляры эскимосских, корякских, удэгейских, хантыйских и мансийских, тувинских и бурятских масок опубликованы в общих трудах по этнографии и искусству этих народов³.

Наиболее полная классификация масок, охватывающая все их категории, предложена советским этнографом и театроведом А. Д. Авдеевым⁴. В ней непосредственное отношение к Сибири имеют три группы: маски — головные уборы, в их числе наголовники, маски-личины и маскоиды. Наиболее распространенными были маски-личины и маскоиды — предметы, похожие на маску, но не предназначавшиеся для ношения на лице.

Точное время появления масок у народов Сибири пока не выяснено.

В 1950-х годах на юге Минусинской котловины при археологических раскопках на реке Абакан в ряде погребений могильника Тас-Хазаа были обнаружены песчаниковые плиты с процарапанными на них человекообразными фигурами. Одни исследователи называют их „птицеобразными шаманами", или „солнечными божествами"⁵, другие видят в них людей в птичьих масках⁶. Плиты с подобными фигурами датируются самым началом второго тысячелетия до нашей эры.

Там же, в Минусинской котловине, в погребениях тагарского времени (VII—II века до н. э.) были найдены антропоморфные маски из глины и белой гипсовой массы. Ею обмазывалось лицо умершего, и „маска" получалась несъемной. К сожалению, тонкий гипсовый слой со временем разрушался и отваливался, поэтому восстановить общий вид покрова лица очень трудно. Иногда гипс раскрашивали: на обломках обнаружены следы красных или темных узоров в виде зигзагов. Образец такой восстановленной тагарской маски имеется в коллекции Государственного Эрмитажа.

Материал тагарских масок сходен с материалом более поздних, таштыкских⁷ (первые века н. э. — раннее железо). Последние обнаружены в значительном количестве в погребениях той же Минусинской котловины. Большинство их сделано в особых формах, которые сняты непосредственно с лица умершего или с его скульптурного изображения. Отдельно делались уши. Составленные из нескольких частей маски покрывались завитками, нанесенными на лоб, виски и щеки красной и синевато-черной красками. Детали нащечных узоров выполнялись голубым и зеленым цветом. Так же иногда отмечались ресницы, губы и ноздри. Эти орнаментальные мотивы, видимо, воспроизводят татуировку или раскраску лица.

Можно считать доказанным, что таштыкские маски, имевшие вполне индивидуальный характер, были портретными изображениями умерших, их „двойниками". Однако некоторые, очень массивные, не могли накладываться на лицо, особенно те, которые изготовлялись вместе с шеей и даже частью торса; их прислоняли к стенам погребального склепа.

Назначение таштыкских масок нельзя считать вполне выясненным, хотя по этому вопросу высказано несколько мнений. Известный советский археолог С. В. Киселев, изучив погребальные маски Древнего Востока и античного времени, склоняется к мысли о связи таштыкских масок с культом предков⁸, с желанием сохранить образ умершего. По мнению же других исследователей, эти маски не давали душе покинуть покойного и причинять вред живым⁹.

В 1967 году на Чукотском полуострове советским археологом Д. А. Сергеевым в Эквенском

могильнике — одном из древних мест погребений азиатских эскимосов — была найдена прекрасно сохранившаяся деревянная антропоморфная маска, представляющая исключительный интерес как первая находка такого рода на Крайнем Севере. Д. А. Сергеев отнес ее к древнеберингоморскому времени (III в.), но более точную датировку можно установить лишь в дальнейшем, сравнив с другими находками подобного типа.

Эскимос, вырезавший маску, обладал незаурядными художественными способностями. Он не только сумел передать формы человеческого лица, но и отразил в них присущие эскимосам антропологические черты. Ему удалось создать облик человека начала первого тысячелетия нашей эры, очень выразительный и, видимо, глубоко реалистичный. Возможно, маска надевалась во время каких-то праздников, танцев или пантомим, подобно позднейшим маскам алеутов и аляскинских эскимосов. Принимавшие участие в раскопках Эквенского могильника эскимосы называли ее „хозяйном“. Д. А. Сергеев склонен видеть в ней изображение „хозяина вселенной“¹⁰.

Интересно, что художественные традиции в изображении человеческого лица, безусловно сказавшиеся в этой древней скульптуре, проявляются и в некоторых аналогичных произведениях эскимосов и алеутов XIX—XX веков. На погребальной алеутской маске XIX века с острова Атха (Алеутские острова. Хранится в Музее антропологии и этнографии АН СССР) столь же четко выявлены надбровные дуги (но глаза не имеют отверстий), нос такой же широкий и толстый, рот приоткрыт, зубы вставные¹¹. Сходные маски, с такими же широкими носами, вставными зубами, иногда вставными глазами, имеются и у эскимосов мыса Хоп (Северная Америка)¹².

Таким образом, пластические особенности древнеберингоморской маски обнаруживают черты, сближающие ее с некоторыми художественными произведениями современных народов Алеутских островов и Аляски, что свидетельствует о весьма древних общих традициях этого вида искусства. В 1970 году в размытых морем древних эскимосских землянках в поселке Яндагай¹³ Чукотского национального округа обнаружены предметы, датируемые пунукским временем (X—XV вв.), в частности фрагментированная деревянная танцевальная маска. Траптовкой частей лица она примыкает к некоторым маскам американских эскимосов (мыс Хоп) и к корякским.

Таковы наиболее интересные и заслуживающие внимания сибирские маски, известные по археологическим источникам и относящиеся к различному времени. Следует сказать, что в Приангарье, в низовьях реки Томи, в Минусинском крае, в Туве, в Нижнем Приамурье обнаружены изображения отдельных антропоморфных и зооморфных личин¹⁴ главным образом эпохи бронзы и раннего железа, выбитые или выполненные краской на скалах, камнях или каменных стелах; однако пока неясно, маски ли это, хотя некоторые очень на них похожи.

Изготовление масок, несомненно, продолжалось в Сибири и в более позднее время, но до сих пор за недостатком материала не представляется возможным установить их характер и районы распространения.

В эпоху средневековья употреблялись зооморфные наголовники (в основном у предков нынешних обских угров), но они не сохранились, и об их существовании известно только по археологическим материалам. К интересным памятникам этого времени относятся прежде всего бронзовые зеркала, подвески, иногда серебряные блюда византийской или иранской работы, найденные в местах расселения финно-угорских племен. Попав путем межплеменного обмена в угорскую среду, эти

изделия стали играть роль предметов культа. Местные резчики покрыли некоторые из них выгравированными изображениями людей в масках-наголовниках, как зооморфных, так и антропоморфных. Нет сомнения, что подобные фигуры воспроизводили персонажи каких-то пантомим или мистерий. Встречаются изображения мужчин и женщин, отдельные или в группах, иногда с наброшенными на плечи шкурами животных. Таковы, например, мужчина со шкурой медведя на плечах, женщина в медвежьем наголовнике со свисающей парой лап, человек с накинутой на плечи шкурой птицы с перьями, головой, крыльями и ногами¹⁵. Возможно, что птица — это филин или мифический карс, образ которого сохранился в современном фольклоре обских угров. Некоторые зооморфные наголовники показаны в фас (медведи, птицы), другие в профиль, видимо, для более точной характеристики. Встречаются, правда редко, и наголовники в виде древесного ствола или ветви.

До сих пор нет точных данных ни о материале, из которого делались эти наголовники, ни об их назначении, ни о тех обрядах, во время которых они надевались. В то же время значительное количество изображений замаскированных людей свидетельствует о том, что маскировка, несомненно, играла важную роль в жизни древних финно-угров.

По мнению В. Н. Чернецова, облик многих существ, выгравированных на металлических изделиях, совпадает с дошедшими до нас в легендах описаниями зооморфных предков обских угров. Это женщина-соболь, женщина-пантера, человек-лось, человек-волк, человек-филин¹⁶.

В течение длительного бытования в среде угорских народов и пантомимы, и танцы, и маскировка несомненно сильно изменились. Так по данным XVIII века известно, что участники пляски журавля, прикрывшись шубой, просовывали через рукав палку с деревянной головой птицы на конце¹⁷. Подобные предметы употреблялись и позже. В Краеведческом музее города Ханты-Мансийска хранится палка с раздвижным деревянным клювом журавля¹⁸. Лося изображали, закутавшись с головой в большой кусок ткани. Торчавшая из-под нее длинная палка, обмотанная соломой, означала шею животного, а крестообразно привязанные к ее концам короткие палочки — рога¹⁹.

В XIX веке манси во время медвежьего праздника иногда надевали берестяной наголовник, изображавший звериную голову, но чаще разыгрывали пантомимы из жизни животных, пользуясь антропоморфными масками²⁰. На создаваемый образ указывали в таких случаях другие признаки: привязанные к одежде олени рога, птичьи крылья или соответствующие движения танцующих, подражавшие походке медведя, прыжкам зайца, бегу лисы, полету птицы и т. д. Видимо, к XIX веку зооморфные наголовники были уже редкостью, а вскоре и совсем исчезли.

Маски XVIII — начала XX века известны по этнографическим материалам. В это время ими пользовались многие народы Сибири: ненцы, ханты и манси, эвенки, удэгейцы, кумандинцы, шорцы, буряты. Можно предполагать, что в относительно недавнем прошлом они были известны тофаларам, энцам, нганасанам. Якутские, хакасские, южно-алтайские, чукотские и корякские шаманы этими предметами не пользовались, по крайней мере в XIX — начале XX века.

Выполнялись маски из дерева, бересты, красной меди, латуни, железа, жести, кожи, сукна. Очень часто для самого изделия и его отдельных частей использовали разные материалы. Так у некоторых деревянных предметов такого рода глаза — это бусины, вставленные в вырезы, зубы — вставные кусочки кости, волосы из кожи с мехом (медвежьим, козьим). Иногда детали лица, волосистой покров,

татуировка изображены резьбой или краской. Но наибольшую выразительность придает пластическая обработка лица — особенно в кованных медных масках и маскоидах: морщины, брови, веки, губы, порой линия носа и татуировка отмечены мелкими бугорками, нанесенными чеканом. Скульптура нередко дополнена цветными ленточками, цепочками и другими подвесками.

Одни маски выполнены реалистически, у других имеются признаки стилизации. Встречаются экземпляры архаического облика с упрощенной трактовкой лица.

Кроме масок, существовали маскоиды, которые отличались от них размерами, в основном очень маленькими, но иногда они соответствовали размерам лица и даже превышали их. Изготавливались маскоиды так же, как маски. Нередко у них глаза и рот представляли собой отверстия, в которые изредка вставляли бусины или бисеринки; вместо усов и бороды прикрепляли кусочки кожи с мехом, к голове приделывали пучки шерсти и т. д. Деревянные маскоиды для лучшей сохранности иногда вставляли в кожаный открытый спереди футляр.

В одних случаях маскоиды существовали самостоятельно, в других прикреплялись к головным уборам или одежде. У народов Сибири существовала еще одна группа масок — маленькие металлические и, реже, берестяные; они прикреплялись к лицу некоторых деревянных антропоморфных фигур, изображавших предков или духов. Такие масочки встречались у эвенков, хантов, энцев, нганасан и ненцев, иногда — удэгейцев. Можно предполагать, что они были и у кетов.

Маскированная деревянная скульптура представляет значительный интерес; не исключено, что в ряде случаев это были изображения шаманов, когда-то камлавших в масках.

Надевая маску, человек как бы перевоплощался в иное существо, стремясь к более полной внешней характеристике создаваемого образа. Однако она была хотя и важным, но не единственным элементом этого перевоплощения. Существенной частью маскировки были активные действия, как правило, не от своего имени. Так, при охоте зимой на нерпу охотники не только надевали соответствующую маску, но и царапали лед особым скребком из нерпичьего лапта. Эти звуки были похожи на те, которые животное издавало, взбираясь на льдины. Во время праздников или мистерий исполнитель той или иной роли рассказывал присутствовавшим, куда он якобы идет, с кем встречается, о чем говорит и что делает. Даже наличие одной и той же маски не мешало ему по ходу рассказа изображать то человека, то зверя, то птицу. В одних случаях он вел себя спокойно, в других рычал по-звериному, подражал клекоту орла, писку маленьких зверьков, прыгал, бегал, размахивал руками. Если это был шаман, то он обязательно бил в бубен, иногда танцевал и пел.

Маски делятся на две основные группы: те, которые широко применялись во время охоты, различных обрядов, на праздниках, в мистериях, и шаманские. Первые относятся к числу наиболее древних. Вторые же, видимо, ведут свое происхождение от ранних, скорее всего обрядовых: в связи с усилением роли отдельных шаманов они приобрели особое значение как их личные атрибуты. Среди этих атрибутов были также маскоиды, головные повязки с вышитым лицом человека и уборы в виде металлических корон, увенчанных металлическими же рогами оленя (эвенки, буряты, нганасаны, энцы) или кожаной фигуркой птицы, иногда дракона (удэгейцы). Особое место занимали бурятские и тувинские маски, употреблявшиеся во время мистерии Цам. Они появились у этих народов в XVII — XVIII веках вместе с ламаизмом. Яркие, пестро раскрашенные, маски изображают многочисленные персонажи ламаистского пантеона и входят в широкий круг памятников

ламаистской культуры, воспринявшей художественные традиции индо-тибетского искусства. Они хранились в монастырях и в народную среду не проникли. Небольшая коллекция тувинских ламаистских масок хранится в Краеведческом музее города Кызыла Тувинской АССР.

Сибирские маски имеют некоторые аналогии в искусстве народов, живущих на соседних с Сибирью территориях, например в Восточной и Центральной Азии, в Северной Америке.

Так, подобно маскировке чукчей во время охоты на нерпу, аляскинские эскимосы и некоторые племена североамериканских индейцев при тех же обстоятельствах использовали деревянный убор, изображавший голову нерпы. Некоторые племена калифорнийских индейцев во время охоты на оленей надевали, как и эвенки, своеобразные шапки, увенчанные рогами этого животного. Деревянные антропоморфные маски коряков подобны таким же у эскимосов мыса Барроу в Северной Америке. Сходными были и многие обряды, танцы и пантомимы чукчей, азиатских и американских эскимосов, алеутов, сопровождавшиеся маскированием. У сахалинских айнов масок не было, но они в торжественных случаях украшали голову повязкой, с прикрепленными к ее передней части небольшими деревянными фигурками медведей, лисиц, рыб, головы или клюва орла и т. п. Это были, как думают некоторые исследователи, те существа, от которых якобы вели свое происхождение отдельные группы айнов. Причины сходства масок соседствующих друг с другом народов различны. С одной стороны, оно объясняется близостью обрядов, религиозных представлений этих народов, стоявших на одной и той же ступени хозяйственного и общественного развития, а также общими в прошлом историческими судьбами и культурными связями, с другой — родственными узами, например азиатских и американских эскимосов, бурят и монголов, тувинцев и дархатов Народной Республики Монголии, сибирских и хинганских эвенков и т. д.

Приведенные примеры показывают, что маски народов Сибири входили в широкий круг предметов этого рода и не представляли собой явления, ограниченного пределами Северной Азии.

В советское время исчезла социальная и экономическая почва, на которой развивалась раньше религиозная скульптура. В связи с общим ростом культуры этих народов постепенно изменились их представления о человеке, обществе, природе. Сейчас обрядовые и культовые маски исчезли из употребления. Их можно встретить главным образом в собраниях музеев, а иногда и в реквизите местных национальных театров²¹.

Чукчи, эскимосы, коряки

Чукчи живут на территории Чукотского национального округа Магаданской области, коряки — в Корякском национальном округе Камчатской области, эскимосы — на побережье Берингова моря в Чукотском национальном округе, а также на острове Врангеля. Часть чукчей и коряков занимается охотой на морских животных, другая часть оленеводством; основу хозяйства эскимосов составляет морской зверобойный промысел.

В конце XIX — начале XX века маски делались этими народами из дерева или кожи.

Во время охоты на нерпу чукотские охотники надевали на голову шкурку, снятую с головы нерпы. По некоторым данным к такой же маскировке прибегали и коряки.

Чукотские антропоморфные маски, сшитые из кожи, употреблялись на празднике в честь Кереткуна — духа моря, хозяина морских зверей — и назывались „волосяным лицом”, видимо потому, что имели взлохмаченные волосы и пучок меха на месте рта.

Подобные же маски еще в 1930-х годах изготовлялись и азиатскими эскимосами. Шили их из кожи нерпы и украшали султаном из белого медвежьего меха. Надевал такую маску кто-либо из мужчин, присутствовавших на празднике Касака (то же, что у чукчей Кереткун). Можно предполагать, что прежде в хозяине китов эскимосы видели самого кита — зооморфное существо. На это, в частности, указывают некоторые детали позднейших масок, сочетающие признаки кита и человека. Не случайно и самого хозяина моря представляли „страшилищем” огромного роста, с черным лицом.

Иногда маску заменяла раскраска лица. Приморские чукчи и азиатские эскимосы на празднике кита разрисовывали себе лицо сажей, изображая на нем фигурку кита или его хвост, а к передней части налобной повязки прикрепляли пучок шерсти, имитирующий фонтан. Так поступали все принимавшие участие в празднике. Это пример массовой маскировки.

Кожаных масок, связанных с праздником чукотского Кереткуна и эскимосского Касака, в наших музеях, к сожалению, нет, но некоторое представление о них дают маски, вырезанные из бумаги эскимосом Ненетегиным для „Выставки народного творчества” в Москве в 1937 году²². Три из них явно зооморфные, остальные антропоморфные. У первых двух — огромный растянутый рот, круглые глаза и султан наверху, имитирующий фонтан кита, у третьей маски на подбородке изображен хвост животного.

У коряков до первой четверти XX века имелись деревянные антропоморфные маски-личины, происхождение и назначение которых недостаточно выяснены: известно, что их использовали иногда с религиозной целью (напугать и изгнать злого духа из жилища), иногда — с увеселительной: надев маски, молодые люди разыгрывали пантомимы, танцевали, изображая охоту на медведя, гонки на нартах и т. п. Деревянные корякские маски изображали как мужчин, так и женщин, но актерами были только мужчины. Некоторые из масок тщательно моделированы и носят реалистический характер, другие менее удачно передают черты лица и обработаны грубо. На отдельных из них на месте усов и бороды сохранились следы сажи, у других на тех же местах прикреплены пучки волос.

Форма корякских масок различна: встречаются овальные, яйцевидные или заостренные книзу. На месте глаз прорезаны круглые, овальные или прямоугольные отверстия, но иногда таких отверстий нет.

Оленные коряки пользовались иногда кожаными личинами, изображавшими людоедов. Их надевали женщины, чтобы пугать непослушных детей.

1. Маска женщины

Хакасия. Таштыкское время (первые века н. э.).

Гипс. На лбу и губах следы раскраски. Высота 23 см.

Государственный Эрмитаж, коллекция С. А. Теплоухова

2. Маска

Хакасия. Таштыкское время (первые века н. э.)

Гипс. Маска частично реставрирована. Высота 21 см.

Государственный Эрмитаж, коллекция С. А. Теплоухова

3. Маска

Эскимосы. III в. Чукотский полуостров, Эквенский могильник.

Дерево. Найдена в ногах погребенного. Глаза — прорезанные отверстия, в которые вставлены кусочки кости, имитирующие глазные яблоки. Центральная часть глаз покрыта легкими штрихами. Зубы вставные, вырезанные из кости, частично утрачены. По краю маски идет ряд небольших ямчатых углублений. Одно из них — сквозное отверстие. Не исключено, что и остальные были сквозными, но со временем засорились. Предназначались, видимо, для прикрепления пучков волос, перьев или сивучьих усов, как на многих масках современных американских эскимосов. Высота 23 см., ширина 18 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР, собрание Д. А. Сергеева

4. Охотничий головной убор

Чукчи.

Шкурка с головы нерпы

Музей антропологии и этнографии АН СССР

5. Маска

Коряки. Начало XX в.

Дерево. Высота 27 см.

Государственный музей этнографии народов СССР

6. Маска

Коряки. Первая четверть XX в.

Дерево. Высота 23,5 см.

Государственный музей этнографии народов СССР

7. Маска

Коряки. Начало XX в.

Дерево. Высота 24 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

8. Маска

Коряки. Начало XX в.

Дерево. Брови, глаза и усы отмечены черной краской. Высота 27 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

9. Маска, изображающая лицо женщины

Коряки. Середина XX в.

Дерево. Брови нарисованы химическим фиолетовым карандашом, румянец — красным. Высота 25 см.

10. Маска

Коряки. Середина XX в.

Дерево. Брови, усы и борода отмечены черной краской. Высота 26 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

Ханты, манси, ненцы

Ханты и манси живут в Ханты-Мансийском национальном округе, ненцы — в Ненецком национальном округе, в Ямало-Ненецком национальном округе и в Усть-Енисейском районе Таймырского национального округа. Основные занятия — охота, рыболовство, оленеводство.

У хантов и манси можно отметить маскировочные уборы двоякого рода: зооморфные наголовники и лицевые маски. Первые употреблялись в эпоху средневековья и уже к XIX веку исчезли; об их существовании имеются данные в литературных источниках XVIII века. Вторые хорошо известны по этнографическим материалам XIX — начала XX века.

Как наголовники, так и маски употреблялись во время так называемых медвежьих праздников, устраивавшихся в честь медведя — хозяина тайги. В масках играли только мужчины, даже если исполняли женские роли.

Праздники носили одновременно религиозный, обрядовый и увеселительный характер. Участники их совершали жертвоприношения убитому медведю, пели песни, плясали, разыгрывали различные, в том числе охотничьи, сценки и пантомимы.

Вот как описывает медвежий праздник известный советский этнограф В. Н. Чернецов, присутствовавший на нем среди манси в 1920-х годах.

«Актеры в масках показывали, как охотники случайно натолкнулись в лесу на своего „младшего брата“, как „раздели“ его, то есть сняли шкуру вместе с головой, и доставили домой, где медведя встретили и угостили. Во время праздника пели песни и рассказывали о происхождении медведя и о его жизни. Исполнялись танцы предков различных родов. Считалось, что некоторые из предков имели зооморфный облик, поэтому исполнители их ролей были замаскированы под животных. После представлений и танцев, выполняя определенные обряды, приступали к съеданию мяса убитого медведя²³.»

Характерно, что до Великой Октябрьской социалистической революции на медвежьих праздниках разыгрывались и сатирические сценки социального характера. В них простой народ высмеивал шаманов, миссионеров, богачей и местную администрацию.

Общественный характер медвежьего праздника и сам обычай маскировки сохранялся до середины XX века.

Все имеющиеся в музеях хантыйские и мансийские маски конца XIX — начала XX века сделаны из бересты. Но прежде их вырезали и из дерева. Одна такая уникальная антропоморфная маска

хранится в Краеведческом музее города Воркуты.

Береста — материал, по структуре малопригодный для изготовления этого рода предметов, но зато доступный: сломавшуюся маску легко заменить новой. Достаточно взять прямоугольный кусок бересты, подровнять все его края или только сверху и снизу, прорезать в нем отверстия для глаз и рта, пришить длинный берестяной нос — и маска готова. Наличие тех или иных деталей зависело от исполнителя. Иногда нос не пришивали, а на его месте вырезали треугольное отверстие. Края глазных отверстий и рта, а в некоторых случаях и края всей маски, обводили полоской черной краски или углем. К некоторым маскам прикреплялись густая борода, усы и брови, сделанные из кусочков оленьей шкуры или конского волоса. Иногда соответствующие места покрывали черной или красной краской. Известны мансийские маски с зубами, вырезанными из бересты, и маски березовских хантов, раскрашенные геометрическими узорами, нанесенными на лоб черной краской. Возможно, они воспроизводят старинную праздничную раскраску лица или татуировку. Некоторые маски украшались подвесками в виде кружочков, треугольников и других фигур, вырезанных из бересты.

Крупный, выдающийся нос, иногда очень длинный, похожий на птичий клюв, дал повод для названия таких масок „берестяным”, или „корьевым носом”, но чаще они назывались „берестяным лицом”, или „лица покрышкой”.

Берестяные маски чаще всего были прямоугольными, но встречались экземпляры и цилиндрической и конической формы¹⁸.

Антропоморфными масками пользовались иногда и ненцы большеземельской тундры; эти предметы носили упрощенный характер и употреблялись исключительно шаманами. До нашего времени дошли только мягкие суконные маски, на которых с помощью накладного жгутика из белого оленьего волоса обозначены глаза, нос и рот. Прежде на этих местах, по-видимому, прорезались отверстия. Маски подвязывались к суконному головному убору.

Летом 1971 года научным сотрудником Института этнографии АН СССР Г. Н. Грачевой во время экспедиции в районы расселения авамских нганасан обнаружены две уникальные деревянные маски, лежавшие вместе с другими старинными культовыми вещами в шаманской нарте, стоявшей в тундре вдали от жилищ. Обе маски тяжелые и крупные (высотой 33 и 38 см), с металлическими вставными глазами, длинным носом, приоткрытым ртом с несколькими резными линиями на подбородке. Эти экземпляры ныне принадлежат Музею антропологии и этнографии АН СССР.

11. Маска

Манси. Начало XX в.

Береста. Отверстия для глаз и рта обведены полоской черной краски. Нос пришит сухожильной ниткой. Употреблялась на медвежьем празднике. Высота 24 см.

Государственный музей этнографии народов СССР

12. Маска

Манси. Начало XX в.

Береста. Волосы на макушке, ресницы, брови, усы и борода нанесены блестящей темно-коричневой краской. Зубы сделаны из маленьких кусочков бересты. Тесемки из красного кумача. Высота 22 см.

13. Маска

Ханты. Начало XX в.

Береста. На лбу, ноздрях и вокруг глаз следы черной краски. Высота 30 см.

Государственный музей этнографии народов СССР

14. Маска

Казымские ханты. Начало XX в.

Береста. Вокруг глаз и рта следы черной краски. Высота 32 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

15. Маска

Большеземельские ненцы. Первая четверть XX в.

Сукно. По краям обшита полоской красного сукна и обрамлена жгутиком белого оленьего волоса.

Контуры глаз, носа и рта обшиты таким же жгутиком. Высота 20 см., ширина 22 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

Эвенки, удэгейцы

Эвенки расселены от Енисея до Охотского побережья, удэгейцы в Хабаровском и Приморском краях. Основные виды хозяйства первых — оленеводство, охота, вторых — охота. Для маскировки эвенки пользовались наголовниками, масками-личинами и маскоидами.

Наголовниками маскировались под оленя. По литературным источникам XVIII века известно, что в зимний сезон охоты эвенки надевали кожаный убор, увенчанный рогами оленя. В таком виде они подходили к животным на близкое расстояние и стреляли в них из лука²⁴.

Маски-личины употреблялись только шаманами и шаманками и были антропоморфными. Однако в конце XIX — начале XX века ими пользовались далеко не все шаманы. У эвенков обычай камлания в маске начал, видимо, исчезать еще в середине XIX века, а может быть и раньше. Правда, значение самих масок как предметов религиозного характера сохранялось по-прежнему; поэтому шаман, отправляясь лечить больного, все же брал маску с собой и помещал ее на почетном месте в жилище, а в отдельных случаях даже надолго оставлял там. Иногда, придя к больному, шаман вешал маску перед собой или привязывал к своему костюму у пояса. В связи с изменением способа использования маски постепенно превращались в маскоиды, утрачивая прежние размеры. Так появились деревянные и железные маскоиды, величина которых иногда не превышала двух-четырёх сантиметров. Вопрос о том, кого олицетворяла эвенкийская шаманская маска, чьим изображением она была, недостаточно выяснен. В отдельных случаях считается, что это дух — помощник шамана, в других — его предок или „портрет” его умершего отца, тоже шамана.

После смерти шамана принадлежавшая ему маска иногда оставалась в его жилище, играя роль духа — покровителя семьи, иногда ее относили на могилу умершего. Изготовление масок требовало специальных навыков. Их шили из кожи, вырезывали из дерева, выковывали из меди и железа. Если железа не было, пользовались жостью. В XIX — начале XX века чаще всего встречались медные и железные маски. Деревянные раскрашивали и к ним пришивали длинную бороду²⁵. На некоторых

предметах этого рода сохранились ремешки или тесемки, с помощью которых они держались на голове. Встречаются маски, присоединенные к головному убору. На многих в верхней части имеется выступ с отверстием для продевания ремешка, а иногда оно находится в самой маске. Величина маски обычно соответствует размерам человеческого лица, глаза и рот прорезаны. Известны деревянные экземпляры со вставленными зубами каких-то мелких животных. У некоторых брови, усы и борода — это кусочки кожи с остатками меха, у других по бокам приделаны кольца с железными подвесочками или с пучками лент.

Металлические маски обычно делали кузнецы. Поверхность предмета нередко покрыта бугорками, нанесенными с внутренней стороны круглым чеканом, или имеет ряд мелких отверстий, с помощью которых отмечены брови, веки, морщины на лбу, иногда какие-то знаки, подражающие татуировке. Эвенкийские маски очень разнообразны. У одних лицо трактовано довольно упрощенно, другие отличаются более тонким исполнением, третьи натуралистичны и производят отталкивающее впечатление: они должны были внушать людям ужас, в них видели духа, вселившегося в шамана и руководящего его действиями. Многие маски суровы и строги, их открытый рот как бы свидетельствует о том, что „заключенный" в них дух что-то говорит, что-то внушает или о чем-то просит. Камлание происходило в чуме, где почти не было света. В крайнем возбуждении шаман неистово колотил в бубен, выкрикивая малопонятные для окружающих слова, и звенел металлическими подвесками, пришитыми к одежде. В прорезях маски были видны его сверкающие глаза. Особенно сильное впечатление производили блестящие при отблесках огня еще не потускневшие, недавно сделанные металлические маски.

Деревянные маскоиды также довольно разнообразны как по величине, так и по форме. Многие из них обшивались материей или ровдугой (выделанной кожей), и к ним приделывалась кожаная петля. Обработка лица у этих маскоидов довольно груба. Разнообразны и металлические маскоиды — медные и жестяные овальной или круглой формы. Предпочтение отдавалось красной меди. В металле части лица приобретали иногда мягкие очертания. У некоторых глазные щели и рот делались очень узкими или слегка намечались ударом чекана. Лицо нередко оконтуривалось одним или двумя рядами мелких бугорков или отверстий. Такими же бугорками отмечались брови и рот. Некоторые маскоиды, в особенности те, которые пришиты к шаманской одежде, так малы, что отыскать их среди множества жгутов и лент почти невозможно. Но, несмотря на незначительные размеры, они сохраняли свое значение, представляя целую галерею шаманских предков.

О масках народов Нижнего Приамурья и Уссурийского края сведений очень мало.

У нанайцев они, видимо, существовали до начала XX века, а затем вышли из употребления. Среди удэгейцев, так же как и у эвенков, маски использовались только шаманами и кое-где встречались еще в первой половине XX века²⁶. В музейных собраниях их очень мало.

Удэгейские маски делались из дерева или бересты и раскрашивались черной, красной и белой красками. Своей пестрой расцветкой и резными узорами на лбу они отличались от эвенкийских. Маски удерживались на голове при помощи ремешков. Глаза и рот прорезали, брови, усы и бороду делали из кусочков кожи с мехом, чаще всего медвежьим, или наносили краской. Такие же меховые полоски окружали все лицо или его верхнюю часть.

Шаманскую маску удэгейцы называли „хамбаба". У хорских удэгейцев она изображала духа —

покровителя шамана и надевалась во время большого камлания, в котором участвовали десятки людей в течение нескольких дней²⁷. На реке Нахтоху шаманы надевали маску, чтобы запугать и изгнать злого духа из жилища больного²⁸. У удэгейцев, живущих по рекам Хунгари и Хору, шаманские маски нередко использовались в качестве игрушек.

В удэгейских масках привлекают внимание их орнаментальная раскраска и резьба. Следует отметить, что та и другая имеют, по-видимому, не только декоративное значение: узоры подражают раскраске или татуировке, когда-то практиковавшимся удэгейцами и их предками. Обычай татуировки встречался еще в XVII веке у племени циякала, или кякала (одно из названий удэгейцев), жившего у истоков реки Имана²⁹.

16. Маска

Эвенки. XVIII в.

Кованая медь. Вдоль краев пробит ряд небольших отверстий. Высота 38,5 см., ширина 34,5 см.
Музей антропологии и этнографии АН СССР

17. Шаманская маска

Забайкальские эвенки. Конец XIX в.

Латунь. По краям обшита полосками кожи с остатками медвежьего меха. Такие же полоски имеются на лице. Высота 22 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

18. Шаманская маска

Забайкальские эвенки. Начало XX в.

Красная медь. Над глазом и под носом сохранились кусочки кожи с медвежьей шерстью. Полоска меха на голове пришита к маске шнурком, пропущенным через отверстия в металле. Высота 20 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

19. Шаманская маска

Забайкальские эвенки. Начало XX в.

Тонкое листовое железо. Усы из светло-коричневого меха. К верхней части лица пришит кусок синей материи. В отверстия по сторонам лба пропущен шнурок для закрепления маски на голове. К тому же шнурку привязаны пучки материи и ленты длиной более метра. Высота 20 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

20. Шаманская маска

Забайкальские эвенки. Начало XX в.

Железо. Сзади прикреплен кусок коричневой ткани. С боков свисают пучки цветных тканей. Усы и борода из медвежьего меха. Высота 19 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

21. Шаманский маскоид

Забайкальские эвенки. Начало XX в.

Красная медь. Высота 16 см.

Государственный музей этнографии народов СССР

22. Шаманский маскоид

Забайкальские эвенки. Начало XX в.

Красная медь. Высота 15,5 см.

Государственный музей этнографии народов СССР

23. Шаманская маска

Забайкальские эвенки. Начало XX в.

В центре глазных впадин проделаны отверстия, через которые сзади пропущен ремешок с крупными бусинами на концах. Вставлены зубы мелкого зверька. Высота 23 см. (вместе с петлей)

Государственный музей этнографии народов СССР

24. Маскоид

Забайкальские эвенки. Начало XX в.

Дерево. Зашит в кожу красно-рыжего цвета. Лицо, кроме рта, окрашено в черный цвет. Бахрома на лбу изображает волосы. Высота 12 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

25. Шаманский маскоид

Забайкальские эвенки. Начало XX в.

Железо. Высота 15,5 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

26. Маскоид

Забайкальские эвенки. Начало XX в.

Красная медь. Высота 14 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

27. Шаманский маскоид

Забайкальские эвенки. Начало XX в.

Медь. Высота 7,5 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

28. Шаманская маска

Удэгейцы. Начало XX в.

Дерево. Прикреплялась к головному убору. Оторочена полоской медвежьего меха. Из него же сделаны брови и борода. В левую ноздрю продета серьга (?). Язык матерчатый. На лбу контурные изображения двух лягушек. Раскраска маски пестрая. Глаза обведены черной краской. К матерчатой шапочке пришиты кожаные фигурки лягушек и змей, более длинные змеи нашиты вдоль нижнего края шапочки. К верхушке ее прикреплена кожаная птичка с железными рожками на голове. Высота 25 см.

Государственный музей этнографии народов СССР

Кумандинцы, шорцы, тувинцы

Кумандинцы и шорцы живут на Северном Алтае, тувинцы — в Тувинской АССР. Основные занятия кумандинцев — охота на пушного зверя, рыболовство и земледелие, у шорцев, кроме того, скотоводство; тувинцы занимаются земледелием, скотоводством, частично охотой и рыболовством.

В XIX — начале XX века масками пользовались кумандинцы и шорцы, маскоидами — западные тувинцы.

Подобно хантыйским и мансийским, кумандинские маски изготавливались из бересты и имели прорезные глаза, нос и рот, иногда обведенные полоской красной краски. Экземпляры с пришитым берестяным носом встречались нечасто, столь же редки шорские маски без глазных отверстий. Оригинальным был способ прикрепления к маске пучков меха или волос: каждый пучок пропускали в небольшую прорезь и зажимали вставленной в нее узенькой полоской кожи. Иногда пучок волос пришивали к бересте с помощью веревки.

Маски в основном изображали Кочо (Кочо-кана) — мифический персонаж, образ которого, вероятно, претерпел в процессе развития существенные изменения. Трудно даже сказать, приписывалось ли Кочо земное или небесное происхождение. По некоторым легендам, он олицетворял производительные силы природы и был сыном небесного божества Ульгена. Поэтому кумандинские шаманы и призывали Кочо во время обряда жертвоприношения этому божеству³⁰.

Маски шорцев близки кумандинским, но шорцы пользовались ими не только во время камлания Ульгеню, но и при изготовлении нового шаманского бубна. Данные о масках, связанных с этим обрядом, очень скудны. Назывались они „чертэй", но кого изображали и кто их надевал, неизвестно.

Шаманы западных тувинцев, судя по литературным источникам конца XIX — начала XX века, лицевыми масками не пользовались, но к головному убору прикрепляли деревянный маскоид, иногда два: один спереди, другой сзади. Первый изображал лицо мужчины, второй — мужчины или женщины. Размеры предметов были небольшими — от 8 до 11 сантиметров. Тувинцы называли их „человеческими лицами". Назначение этих интересных в художественном отношении масочек не вполне выяснено. По одним данным, они осмысливались как вместилища духов — предков шамана³¹, по другим, в них видели охранителей шамана. Иногда вместо маскоида в виде лица человека к головному убору прикрепляли небольшое изображение человеческого черепа.

Тувинские маскоиды выполнены в повышенном рельефе, у них выдающиеся скулы, хорошо выраженные надбровные дуги, крупный нос. Работа в целом отличается тщательностью отделки. Лицо на некоторых маскоидах частично окрашено в черный или красный цвет. Резчики придавали изображаемому лицу в одних случаях спокойное выражение, в других — напряженное, почти злобное. С этой целью они делали выпученными глаза, на лбу намечали складки. Открытый рот и оскал зубов еще больше подчеркивали эмоции изображенного персонажа.

На головных уборах шаманов северо-восточной Тувы деревянных маскоидов не было, но на их месте цветными нитками или белым оленьим волосом вышивалось изображение человеческого лица.

Кроме шаманских, у тувинцев существовали маски, употреблявшиеся ламами в мистерии Цам. Они сходны с ламаистскими масками бурят³².

29. Маска Кочо.

Шорцы. Первая четверть XX в.

Береста. Борода из белого волоса, пришита веревкой. Высота 23,5 см.
Музей антропологии и этнографии АН СССР

30. Маска Кочо

Шорцы. Первая четверть XX в.

Береста. Брови, усы и борода из пучков человеческих волос. Высота 20 см.
Музей антропологии и этнографии АН СССР

31. Маска чертэй

Шорцы. Первая четверть XX в.

Береста. Края маски слегка загибаются к ушам. Глазные прорезы прикрыты с изнанки полоской бересты, зрачки нанесены красной краской и обведены синей полоской. Брови и усы из медвежьего меха. Нос пришит. Высота 24 см.
Музей антропологии и этнографии АН СССР

32. Маска Кочо.

Кумандинцы. Первая четверть XX в. Береста.

Брови и края всех вырезов обведены красной краской. На месте ресниц и усов сохранились кое-где пучки меха из хвоста белки. Высота 30 см.
Музей антропологии и этнографии АН СССР

33. Шаманский маскоид, изображающий лицо мужчины

Тувинцы. Начало XX в.

Дерево. Высота 11 см.
Государственный музей этнографии народов СССР

33. Шаманский маскоид, изображающий лицо женщины

Тувинцы. Начало XX в.

Окрашенное дерево. Не окрашены лишь участки вокруг глаз и во рту. Высота 9 см.
Государственный музей этнографии народов СССР

Буряты

Буряты живут в Бурятской АССР, а также в Читинской и Иркутской областях. Занимаются в основном скотоводством, земледелием, частично охотой. Издавна во время охоты буряты, как и эвенки, надевали кожаные шапки, увенчанные рогами оленей. Они пользовались также масками-личинами двоякого рода и назначения: шаманскими и ламаистскими.

Шаманские маски в настоящее время имеются в коллекциях советских музеев в ограниченном количестве, так как исчезли из употребления еще в XIX веке. Их делали из кожи, дерева, меди и железа. Кожаные и деревянные не сохранились. Металлические, изготовленные кузнецами, по типу во многом сходны с эвенкийскими. Кого именно они изображали, неизвестно, но скорее всего духа — покровителя шамана или его предка. Все они антропоморфные. Балаганские буряты создали интересную серию деревянных маскоидов, олицетворяющих старца Борто, по одним легендам — великого шамана или воина, по другим — родоначальника. Среди этих маскоидов есть очень крупные и тяжелые.

Форма головы обычно овальная или яйцевидная, нос удлинён, рот приоткрыт, волосистой покров из медвежьего меха. Глаза прорезаны не всегда — у некоторых маскоидов они отмечены свинцовыми вставками.

Хранились маскоиды обычно в жилище, иногда в отверстиях, выдолбленных в специальных деревянных столбах, ставившихся недалеко от селений.

Ламаистские маски были антропоморфными и зооморфными и делались из папье-маше — материала, ранее бурятам не известного. Пестро раскрашенные, в ряде случаев с применением позолоты, эти предметы были довольно крупными, некоторые превышали размеры человеческого лица вдвое и даже втрое.

Разнообразие персонажей ламаистских масок, трактовка человека, животных и мифических персонажей делает эти предметы очень интересными в художественном отношении. Встречаются маски ворона, быка, оленя, льва, антропоморфные маски духов и божеств ламаистского пантеона, некоторых исторических личностей.

Среди ламаистских персонажей праздничной мистерии Цам Сагаан-убгэн (Белый старец) — добродушный старик с длинной бородой — занимал второстепенное место, но был наиболее понятен простым бурятам. Он считался покровителем долголетия и благополучия всего живого. Иногда в нем видели древнего шамана. Это был синкретический образ, соединявший в себе элементы различных доламаистских культов. У восточных бурят с ним связаны шуточные интермедии, веселые импровизации на бытовые темы, пользовавшиеся большим успехом у зрителей³³. Некоторые маски, как антропоморфные, так и зооморфные (Сагаан-убгэн, ворон и др.), трактованы реалистически, другие дополнены разного рода деталями, придававшими маскам фантастический характер: например, третьим глазом, помещенным на лбу, или рядом маленьких человеческих черепов, расположенных вокруг головы. Антропоморфные маски часто имеют устрашающий вид: у них вытаращены глаза, искажены черты лица или им придана неестественная окраска. Устрашающий вид имеют и маски некоторых животных (например, быка с не свойственным ему хищным оскалом).

35. Шаманская маска, изображающая знатного воина

Буряты. Начало XX в.

Медь. На лбу и в нижней части маски сохранились железные гвозди, при помощи которых были прикреплены кожаные полоски с мехом, ныне утраченные. Высота 23 см.

Государственный музей этнографии народов СССР

36. Шаманская маска

Буряты. Начало XX в.

Латунь. По сторонам лба вставлены железные кольца с коническими подвесками и ремешком, с помощью которого маска держалась на голове. Брови, усы и небольшая бородка — из козьей кожи, местами сохранившей остатки шерсти. Высота 21 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

37. Маскоид, изображающий лицо старца Борто

Буряты. Начало XX в.

Дерево. Брови кожаные. Кусочки кожи сохранились на голове и подбородке. К вискам прибиты петли с коническими железными подвесками и лентами. Высота 34 см.

Государственный музей этнографии народов СССР

38. Маскоид, изображающий лицо старца Борто

Буряты. Начало XX в.

Дерево. На голове и около ушей сохранились кусочки кожи с остатками меха. По сторонам прибиты железные петли с коническими подвесками. Маскоид покрыт копытью. Высота 33,5 см.

Государственный музей этнографии народов СССР

39. Маскоид, изображающий лицо старца Борто

Буряты. Начало XX в.

Дерево. Брови и волосы вокруг головы — черный бараний мех. По сторонам маскоида прибито несколько конусовидных подвесок. Высота 34 см.

Государственный музей этнографии народов СССР

40. Маскоид, изображающий лицо старца Борто

Буряты. Начало XX в.

Дерево. Глаза из свинца. Внизу по сторонам носа вбиты железки. Брови и волосы вокруг головы — медвежий мех. Высота 28 см.

Государственный музей этнографии народов СССР

41. Маска докшита — свирепого и грозного защитника ламаистской веры.

Забайкальские буряты. Начало XX в.

Папье-маше. Маска надевалась во время мистерии Цам. Высота 44 см.

Государственный музей истории религии и атеизма

42. Маска докшита

Забайкальские буряты. Начало XX в.

Папье-маше. Маска надевалась во время мистерии Цам. Высота 45 см.

Государственный музей истории религии и атеизма

43. Ламаистская статуэтка, изображающая танцора в маске Сагаан-убгэна

Забайкальские буряты. Начало XX в.

Раскрашенное дерево. Высота 21 см.

Государственный музей истории религии и атеизма

Маскированная скульптура

Интересные экземпляры деревянных антропоморфных изображений религиозного назначения с металлическими масочками на лице изготовлялись различными народами самодийской группы. В одних случаях (например, у ненцев) масочки были почти плоскими со вставным носом, в других (у нганасан) — со впалыми глазницами и рельефными глазами. У энецких масочек рельеф лица лишь слегка намечен.

Деревянная скульптура с берестяными масочками обнаружена у манси. Это были изображения так называемых пупыхов — покровителей рода, якобы присутствовавших на медвежьих праздниках и принимавших участие в танцах. С этой целью к пупыху приделывали подвижные руки и ноги с веревочками и, дергая за них, заставляли фигурку „плясать“. Как и у мансийских и хантыйских масок, надевавшихся людьми, берестяные масочки пупыхов имеют крупные носы и следы раскраски.

Очень выразительны металлические масочки у некоторых эвенкийских скульптур, изображающих лесных духов — хозяев животных. Легким рельефом отмечены надбровные дуги, нос и рот; глаза сделаны из накладных медных кружочков, прибитых железными гвоздями³⁴.

У западных бурят деревянных изображений с металлическими личинами не обнаружено, но у них в употреблении были узкие кусочки ткани с прикрепленной к верхней части медной масочкой, изображающей лицо умершей шаманки или шамана. Размеры таких предметов небольшие — до 5 сантиметров высотой, но отделаны они довольно тщательно. Тонкая пластинка красной меди, легко поддававшаяся обработке, позволяла выявить черты человеческого лица. По изнанке масочки чеканились ямчатые или продолговатые углубления, которые на лицевой части выступали в виде рельефа глаз, бровей, носа, щек, рта.

44. Покровительница семьи

Ненцы. Начало XX в.

Дерево, масочка из железа. Одежда из сукна и меха. Высота фигуры 53 см., масочки 13 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

45. Дух охоты

Нганасаны. Первая четверть XX в.

Дерево, масочка и одежда из меди. Высота фигуры 40 см., масочки 12 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

46. Покровительница промыслов. Фрагмент

Энцы. Первая четверть XX в.

Дерево, маска из меди. Высота фигуры 95 см., маски 17 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

47. Покровитель рода

Манси. Начало XX в.

Дерево, масочка из бересты. Головной убор — сукно, шарф и пояс — хлопчатобумажная ткань. Высота фигурки 21 см., масочки 5 см.

Государственный музей этнографии народов СССР

48. Хозяин диких зверей

Эвенки. Первая четверть XX в.

Дерево, масочка из меди. Одежда меховая. Высота фигуры 45 см., масочки 16 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

49. Покровительница рода

Буряты. Начало XX в.

Масочка из красной меди. Основа — изображение одежды — ткань. Длина матерчатого изображения 19,5 см., высота масочки 5 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

50. Дух болезни, насылающий сибирскую язву.

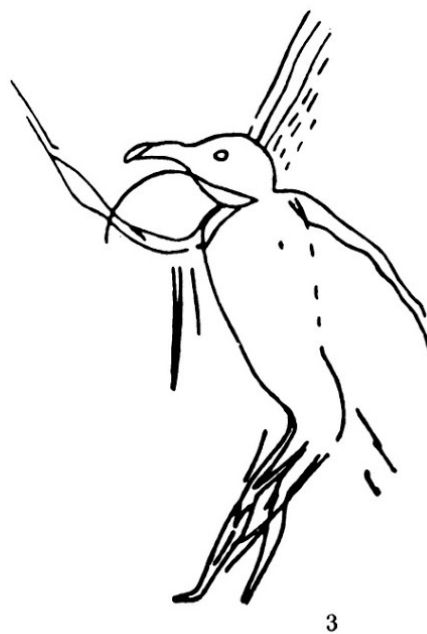
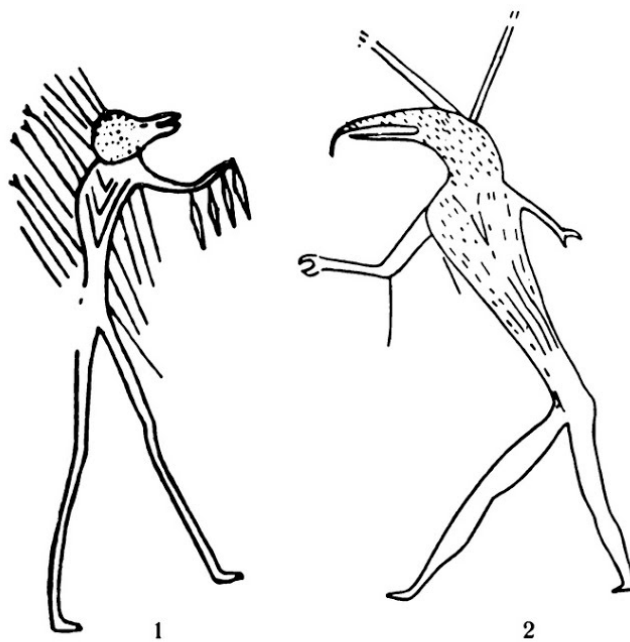
Фрагмент. Изображена женщина.

Энцы. Первая четверть XX в.

Дерево, маска из металла. На месте глаз и подбородка вбиты железные гвозди. Высота фигуры 103 см., маски 15 см.

Музей антропологии и этнографии АН СССР

Ил. I. Маскированные фигуры, выгравированные на песчаниковых плитах
Бассейн реки Абакан, Минусинская котловина, могильник Тас-Хазаа
Окуневское время (начало второго тысячелетия до н. э.)
По А. А. Формозову, «Очерки...»¹⁴ и А. Н. Липскому⁵

1

2

3

4

Ил. II. Зооантропоморфные изображения, выгравированные на металлических зеркалах, блюдах и отлитые из металла

1-4, 6, 7, 9, 11, 12 — Западная Сибирь

5, 8, 10 — бассейны рек Печоры и Камы

IX—X вв.

По В. Н. Чернецову (1-4, 6, 7, 9, 11, 12)¹⁵ и А. А. Спицыну (5, 8, 10)¹⁵

Примечания

1. Авдеев А. Д. Происхождение театра. М. — Л., 1959, с. 41,43 [Avdeyev A. D. *The Origin of the Theatre*, p. 41, 43].

2. Авдеев А. Д. Маска. — „Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР“, 1957, т. 17, с. 333-344; 1960, т. 19, с. 39—110 [Avdeyev A. D. “The Mask” *Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography. USSR Academy of Sciences*. vol. 17, p. 333-344; vol. 19, p. 39-110];

Авдеев А. Д. Происхождение театра. М. — Л., 1959 [Avdeyev A. D. *The Origin of the Theatre*].

3. Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971. [Берестяная и деревянная удэгейские маски Хабаровского краеведческого музея]. [Okladnikov A. P. *Petroglyphs of the Lower Amur Area*. — The birch bark and the wooden Udeghey masks in the Khabarovsk Museum of Local Studies];

Липский А. Н. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии. — „Краеведческий сборник Хакасского областного музея краеведения“, Абакан, 1956, № 1. [Деревянная удэгейская маска Хабаровского краеведческого музея]. [Lipsky A. N. |Some Problems of the Tashtyk Culture Viewed in the Light of Siberian Ethnography”, *Papers of the Khakass Regional Museum of Local Studies*. — The wooden Udeghey mask in the Khabarovsk Museum of Local Studies];

Авдеев А. Д. Происхождение театра. М.—Л., 1959. [Берестяные маски обских угров]. [Avdeyev A. D. *The Origin of the Theatre* — Birch masks of the Ob Ugrians];

Сергеев Д. А. Мотивы эскимосского фольклора в древнеберингоморской скульптуре. — В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1970. [Древнеэскимосская деревянная маска]. [Sergeyev D. A. “Motifs of Eskimo Folklore in Old Bering Sea Sculptures”, in: *Folklore and Ethnography*. — Ancient Eskimo wooden mask];

Сатлаев Ф. А. Коча-кан — старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев. — „Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР“, 1971, т. 27. [Берестяная кумандинская маска]. [Satlayev F. A. “Kocha-kan, the Ancient Fertility Rite of the Kumandins”, *Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences*, vol. 27 — The birch bark mask of the Kumandins];

Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров. — „Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР“, 1971, т. 27. [Берестяные маски обских угров]. [Sokolova Z. P. “Survivals of Religious Beliefs among the Ob Ugrians”, *Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences*, vol. 27. — The birch bark masks of Ob Ugrians];

Дьяконова В. П. Цам у тувинцев.— „Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР“, 1971, т. 27. [Тувинские ламаистские маски]. [Dyakonova V. P. “Tsam among the Tuvans”, *Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences*, vol. 27. — Lamaistic masks of the Tuvans];

[*The North Pacific Expedition*, vol. 27. (W. Jochelson, The Korjak), New York, 1908, fig. 35, 36 [деревянные маски коряков; wooden masks of the Korjaks];

A. Kannisto “Ueber die wogulische Schauspielkunst”, *Finnisch-Ugrische Forschungen*, Bd. VI, H. 2—3. Leipzig, 1906. [мансийские берестяные маски; birch bark masks of the Mansi];

Гурвич И. С. Корякские промысловые праздники. — В кн.: Сибирский этнографический сборник, IV. М. 1962. [Gurvich I. S., “Hunting Festivals of the Koriaks”, in: *Papers on Siberian Ethnography*].

4. Авдеев А. Д. Маска. — „Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР“, 1957, т. 17, с. 333—344; 1960, т. 19, с. 39—110 [Avdeyev A. D. “The Mask”, *Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences*, vol. 17, p. 333-344; vol. 19, p. 39-110].

5. Липский А. Н. Новые данные по афанасьевской культуре. — В кн: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 274, 275 [Lipsky A. N. "New Data on the Afanasyevo Culture", in: *Problems of the History of Siberia and the Far East*, p. 274, 275].
6. Формозов А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 114, 115 [Formozov A. *Essays on Prehistoric Art*, p. 114, 115].
7. Подробнее об этих масках см.: Киселев С. В. Маски из древнейших чаатас — „Известия Государственного музея им. Н. М. Мартыанова", 1935, № 1 (12), с. 1—8 [For a more detailed discussion on these masks, see Kiselyov S. V. "Masks from the Most Ancient *Chaatas*", *Bulletin of the N. M. Martyanov Museum*, No. 1(12), p. 1—8];
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 282, 446—459 [Kiselyov S. V. *Ancient History of South Siberia*, p. 282, 446—459];
- Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-минусинской котловины. М., 1960, с. 147—151 [Kyzlasov L. R. *The Tashtyk Period in the History of the Khakasso-Minusa Hollow*, p. 147—151].
8. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 448 —459 [Kiselyov S. V. *Ancient History of South Siberia*, p. 282, 448—459].
9. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-минусинской котловины. М., 1960, с. 148 [Kyzlasov L. R. *The Tashtyk Period in the History of the Khakasso-Minusa Hollow*, p. 148].
10. Сергеев Д. А. Мотивы эскимосского фольклора в древнеберингоморской культуре. — В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1970, с. 108 [Sergeyev D. A. "Motifs of Eskimo Folklore in the Old Bering Sea Culture", in: *Folklore and Ethnography*, p. 108].
11. Авдеев А. Д. Алеутские маски в собраниях Музея антропологии и этнографии АН СССР. — „Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР", 1958, т. 18, табл. IV [Avdeyev A. D. "Aleut Masks in the Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences", *Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences*, vol. 18, pl. IV].
12. J. VanStone "Masks of the Point Hope Eskimo", *Anthropos*, 1968—69, Bd. 63-64.
13. Алексеев В. П., Гамбург Б. З., Сергеев Д. А. Работы на крайнем северо-востоке Азии. — В кн.: Археологические открытия 1970 г. М., 1971, с. 223, 224 [Alexeyev V. P., Gamburg B. Z., Sergeyev D. A. "Works in the Extreme North-East of Asia", *Archaeological Exploration in 1970*, p. 223, 224].
14. Вадецкая Э. Б. Древние идолы Енисея. Л., 1967 [Vadetskaya E. B. *Ancient Idols of the Enisey Area*];
- Грач А. Д. Петроглифы Тувы, ч. I. — „Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР", 1957, т. 17, табл. XXXI, XXXII [Grach A. D. "The Petroglyphs of Tuva", part I, *Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences*, vol. 17, pls. XXXI, XXXII];
- Грач А. Д. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве. — „Краткие сообщения

Института археологии АН СССР", 1969, вып. 118, рис. IX [Grach A. D. "Results and Further Prospects of Archaeological Exploration in Tuva", *Brief Reports of the Institute of Archaeology, USSR Academy of Sciences*, fasc. 118, fig. IX];

Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М. — Л., 1966, рис. 42 [Okladnikov A. P. *The Petroglyphs of the Angara*, fig. 42];

Окладников А. П. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968 [Okladnikov A. P. *Ancient Images of the Amur Area*];

Формозов А. Наскальные изображения в Центральной Туве. — В кн.: Археологические открытия 1966. М., 1967 [Formozov A. "Petroglyphs of Central Tuva". *Archaeological Exploration in 1966*];

Формозов А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, рис. 38,3 [Formozov A. *Essays on Prehistoric Art*, fig. 38, 3].

15. Спицын А. А. Шаманские изображения. — „Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества", 1906, т. 8, вып. 1, рис. 22; табл. XIV, 2; рис. 131 [Spitsyn A. A. "Shaman Images", *Papers of the Department of Russian and Slavonic Archaeology, Russian Archaeological Society*, vol. 8, fasc. 1, fig. 22; pl. XIV, 2; fig. 131];

Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени. — „Материалы и исследования по археологии СССР", 1953, № 35, табл. XIII, 1, 2 [Chernetsov V. N. "Bronzes of the Lower Poluy Period", *Archaeology of the USSR, Materials and Researches*, No. 35, pl. XIII, 1, 2].

16. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М., 1970, с. 28 [Chernetsov V. N. *Rock Drawings in the Urals*, p. 28].

17. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1787, с. 85, 86 [Pallas P. S. *Journey over the Various Provinces of the Russian State*, p. 85, 86].

18. Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров.—„Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР", 1971, т. 27, рис. 3 [Sokolova Z. P. "Survivals of Religious Beliefs among the Ob Ugrians", *Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences*, vol. 27, fig. 3].

19. Авдеев А. Д. Происхождение театра. М. — Л., 1959, с. 187 [Avdeyev A. D. *The Origin of the Theatre*, p. 187].

20. Остроумов И. Г. Вогулы-манси. — В кн.: Материалы по изучению Пермского края, вып. 1. Пермь, 1904, с. 175 [Ostroumov I. G. "The Vogul-Mansi", in: *Local Studies in the Perm Area*, fasc. 1, p. 175];

Ядринцев Н. О культуре медведя преимущественно у северных инородцев. — „Этнографическое обозрение", 1890, № 1, с. 111 [Yarintsev N. "On the Cult of the Bear, Mainly among the Tribes of the North", *Survey of Ethnography*, No. 1, p. 111].

21. Аксорин В. К вопросу о происхождении театральных масок финно-угорских народов. — В кн.: Международный конгресс финно-угроведов. Тезисы, т. 2. Таллин, 1970, с. 75 [AktSORin V. "On the Problem of the Origin of Theatrical Masks among the Finno-Ugrian Peoples", in: *International Congress of Finno-Ugrian Scholars. Abstracts*, vol. 2, p. 75].
22. Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX вв. М. — Л., 1954, с. 433, рис. 15 [Ivanov S. V. *Materials on the Representative Arts of Siberian Peoples in the 19th and the Beginning of the 20th Century*, p. 433, fig. 15].
23. Чернецов В. Н. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем. — В кн.: *Congressus secundus internationalis Fenno-ougriarum*, pars 2, Helsinki, 1965, с. 102—110 [Chernetsov V. N. "Rites and Ceremonies of Ob Ugrians, Connected with the Bear"].
24. Избрандес. Древняя российская вивлиофика, ч. 8. М., 1789, с. 408 [Isbrandes, *Old Russian Vivliofika*, part. 8, p. 408].
25. Нил (А. Н.) Путевые записки. Ярославль, 1874, с. 123 [Nilus (A. N.) *Travel Notes*, p. 123].
26. Окладников А. П. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968, с. 177, 178 [Okladnikov A. P. *Ancient Images of the Amur Area*, p. 177, 178];
- Липский А. Н. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии. — „Краеведческий сборник“, Абакан, 1956, № 1, с. 59 [Lipsky A. N. "Some Problems of the Tashtyk Culture Viewed in the Light of Siberian Ethnography", *Papers of Local Studies*, No. 1, p. 59].
27. Шнейдер Е. Р. Материалы экспедиции к удэгейцам (Рукопись. Архив Государственного музея этнографии народов СССР) [Schneider E. R. *Materials of the Collecting Trip to the Udegheys*, MS, Archives of the Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR].
28. Арсеньев В. К. Материалы экспедиции к удэгейцам (Рукопись. Архив Хабаровского краеведческого музея) [Arsenyev V. K. *Materials of the Expedition to the Udegheys*, MS, Archives of the Khabarovsk Museum of Local Studies].
29. Кюнер Н. В. Исторические данные о народах Севера. — „Ученые записки Ленинградского государственного университета“, Л., 1949, № 98. Сер. востоковед, наук, вып. 1, с. 98 [Kühner N. V. "Historical Data on Northern Peoples", *Studies of the Leningrad State University*, No. 98, Series of Oriental Studies, fasc. 1, p. 98];
- Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 290 [Okladnikov A. P. *The Distant Past of Primorye*, p. 290].
30. Сатлаев Ф. А. Коча-кан — старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев. — „Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР“, 1971, т. 27, с. 130—141 [Satlayev F. A. "Kocha-kan, the Ancient Fertility Rite of the Kumandins", *Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences*, vol. 27, p. 130-141].

31. Вайнштейн С. И. Тувинское шаманство. — В кн.: Тезисы докладов VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1964, с. 1—10 [Weinstein S. I. "Shamanism in Tuva", in: *Abstracts of the Reports Presented at the VII International Congress of Anthropologists and Ethnographers*, p. 1—10].
32. Дьяконова В. П. Цам у тувинцев. — „Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР", 1971, т. 27, с. 113—129 [Dyakonova V. P. "Tsam among the Tuvans", *Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography, USSR Academy of Sciences*, vol. 27, p. 113—129].
33. Герасимова К., Соктоева И. Вступительная статья. — В кн.: Искусство Бурятии XVIII—XIX веков. Каталог. М., 1970, с. 3—16 [Gerasimova K., Soktoeva I. Foreword in: *Art of Buriatia in the 18th and 19th Centuries. Catalogue*, p. 3—16].
34. Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970, с. 46—50, 80, 99, 164—167, 233—245 [Ivanov S. V. *Sculpture of North Siberian Peoples in the 19th and the First Half of the 20th Centuries*, p. 46—50, 80, 99, 164-167, 233-245].

Маски народов Сибири

Текст и подбор иллюстраций Сергея Васильевича Иванова.

Оформление Д. М. Плаксина

Перевод с русского языка В. Г. Визи. Редактор И. В. Бугакова. Редактор английского текста Л. Я. Сорокина. Художественный редактор Е. Б. Большаков. Технический редактор Э. С. Кежа. Корректор Т. М. Никифорова. М-21985. Подписано в печать 2/XII 1974. Формат 70 X 108¹/₈, бумага мелованная. Усл. печ. л. 22,05. Уч.-изд. л. 16,87. Заказ 8458. Изд. № 91.(6-19). Aurora Art Publishers. 1975. Издательство „Аврора". Ленинград, Невский пр., 7/9. Ордена Трудового Красного Знамени ленинградская типография № 3 имени Ивана Федорова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 196126, Звенигородская, 11

Printed in the USSR